

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ Э. ГУССЕРЛЯ*

*Г.М. КУЧИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор
кафедры психологии Белорусского государственного университета*

Феноменологическая психология Э. Гуссерля рассматривается в контексте сформулированной Л.С. Выготским идеи о существовании в психологии двух несовместимых тенденций. Утверждается, что если центром тенденции, ориентированной на образцы естественных наук, признается экспериментальная психология, то аналогичным центром альтернативной тенденции следует признать феноменологическую психологию.

Ключевые слова: феноменологическая психология, феноменологический метод, рефлексия, феноменологическая редукция.

Исходным пунктом наших рассуждений стало понимание феноменологической психологии Л.С. Выготским, изложенное им в монографии «Исторический смысл психологического кризиса», над которой он работал в 1925-28 годах [1].

Анализируя причины и суть кризиса в психологии, Л.С. Выготский уделяет особое внимание ее раздвоенности. Речь идет о том, что за многообразием конкретных психологии Л.С. Выготский усматривает и достаточно убедительно описывает две основные взаимоисключающие тенденции. Для этих несовместимых тенденций трудно подобрать точные названия, но, определенно, можно отметить, что психологии, представляющие первую тенденцию, ориентированы на образцы естественнонаучного исследования, в то время как психологии, составляющие вторую тенденцию, строятся по образцам гуманитарных наук. Ко второй тенденции относится и феноменологическая психология. Раздвоенность психологии кроме Л.С. Выготского отмечали Ф. Брентано, В. Дильтей, К. Ясперс, Л. Бинсвангер, К. Роджерс, В.Н. Волошинов, М.М. Бахтин и др. [2].

Существование отмеченных двух основных тенденций в психологии образует исходный пункт анализа психологии как науки. Именно вопрос о научности психологии сталкивает две отмеченные тенденции, придает остроту этому сосуществованию. Дело в том, что любая область исследований, претендующая на статус научной в соответствии с некоторыми сложившимися критериями, должна, так или иначе,

определить свой предмет исследования (что именно изучается) и, соответственно, метод исследования (как, каким способом, каким путем добывается знание), а по мнению Л.С. Выготского сосуществование двух принципиально разных типов психологии делает задачу определения единого предмета психологического исследования и адекватного ему метода исследования нерешаемой. Иными словами, проблема двух взаимоисключающих несовместимых тенденций в психологии требует продолжения начатого Л.С. Выготским анализа.

Общеизвестно, что определенным символом научности психологии, понимаемой в естественнонаучном ключе, является эксперимент. По своей распространенности, разработанности, осмысленности экспериментальная психология явно лидирует в сравнении с неэкспериментальной. В прочем, и сам Л.С. Выготский, обосновывая существование двух несовместимых тенденций в психологии, уделял основное внимание именно естественнонаучной психологии. Чтобы в дальнейшем провести сопоставительное исследование выделенных типов психологии, необходимо вначале осуществить значительную работу по осмыслению психологии, ориентированной на образцы научности, характерные для гуманитарных наук.

Вторую из двух выделенных Л.С. Выготским тенденций в психологических исследованиях образуют такие психологии, как «психология с эмпирической точки зрения» Ф. Брентано, «описательная психология» В. Дильтея, «понимающая психология» К. Ясперса и др.

* Статья поступила в редакцию 13 сентября 2010 года.

Центральное место в этой тенденции, на наш взгляд, занимает феноменологическая психология и, соответственно, феноменологический метод исследования психических явлений.

По общему признанию, основателем феноменологии является Эдмунд Э. Гуссерль. Именно ему принадлежит систематическое и разностороннее описание феноменологического метода, сделавшее возможным его применение в психологическом исследовании.

Э. Гуссерль не случайно подчеркивал, что феноменологическое направление возникло в борьбе философии и психологии за строго научный метод исследования. В своих рассуждениях о научности психологии Э. Гуссерль полагает, что психология должна быть наукой о фактах. Понятно, что, когда речь идет о фактах, имеется в виду эмпирическая наука, эти факты добывающая, и на них основывающая свои теоретические рассуждения. Для него очевидно, что у каждой эмпирической науки должна быть своя собственная эмпирическая база, своя изучаемая реальность. Исходя из этих соображений, Э. Гуссерль формулирует принципиальный вопрос: а есть ли у психологии как науки своя собственная психологическая реальность, которую можно было бы изучать, не обращаясь к каким-либо иным реальностям. Сравнивая психологию с физикой Э. Гуссерль утверждает, что мы можем, последовательно абстрагируясь от различных реальностей, дойти до чисто физической реальности и сделать ее предметом исследования, так сказать, «чистой физики», которая будет изучать свой предмет и не будет испытывать потребности обращаться к другой реальности. Представить же чисто психическую реальность, реальность психических процессов и состояний, как существующую саму по себе, без какой-либо физической (физиологической и т.п.) реальности невозможно.

По мнению Э. Гуссерля, все реально существующее имеет свою пространственно-временную определенность. Соответственно, все физическое, и в особенности все психическое существует реально, является реальным фактом только благодаря своей фундированности в физической реальности. Физическое имеет пространственно-временную определенность, а психическое само по себе такой определенности лишено. Оно ее имеет лишь благодаря связи с физической реальностью, укорененности в ней. Чисто психологической реальности

нет и поэтому чистая психология, замкнутая в некоей чисто психической реальности, невозможна. Невозможна наука, которая в своем движении переходит от психического к психическому, расширяя чисто психологический слой и теоретизируя с его помощью, не выходя за пределы психического.

Таким образом, считает Э. Гуссерль в отличие от чистой физики, чистая психология как эмпирическая наука о психических фактах невозможна, т.е. невозможна чистая эмпирическая психология.

Вместе с тем нельзя, как убеждает Э. Гуссерль, ограничиться констатацией неразрывной связи психического и физического, так как в этом случае не ясно, как могут быть «достижимы строго научные понятия о психическом в его собственной сущности, причем, несмотря на всю реальную переплетенность с физическим.» [3]. Психология как наука невозможна без понятий, которые очерчивают всеобщую и необходимую сущностную форму психического, без которой психическое как таковое немислимо. Исходные понятия, лежащие в основании эмпирического исследования, могут быть раскрыты, но не эмпирической психологией, а некоей возможной априорной сущностной наукой о чисто психическом как таковом. Основания эмпирической психологии должны быть прояснены, но для этого нужна особая психология – феноменологическая. Подобная психология должна играть определенную роль во всяком эмпирическом психологическом исследовании, стремящемся к строгой научности.

Для феноменологической психологии характерна, прежде всего, критическая, очистительная функция, суть которой во многом выражена сформулированным Э. Гуссерлем принципом, определяющим смысл любого феноменологического исследования. Это принцип – «к вещам самим». В соответствии с данным принципом критический потенциал феноменологии должен быть направлен против ложного теоретизирования, против отрыва теории от реальности и превращения теории в самостоятельную реальность, против замещения реальности теоретическими конструктами. Суть тезиса «к вещам самим» – выявить и разграничить то, что есть в реальности, что действительно есть, а что привнесено самим исследователем, его сознанием, различными традициями, пред-рассудками, стереотипами. В ходе подобной

очистительной работы должны остаться, выявиться" понятия, которые наиболее непосредственным образом выражают то, что есть на самом деле. Соответственно, вопрос о том, что есть, оказывается неразрывно связанным с вопросом о сознании, его активности, его постоянно реализующейся способности конституировать реальность. Словом, для феноменологической психологии, желающей выяснить, что есть на самом деле, а что привнесено в научное психологическое исследование сознанием самого познающего, необходимо новое понимание сознания. Феноменология и феноменологическая психология как раз и основаны на этом новом понимании сознания. Главное - не допустить натурализации сознания, превращения его в нечто подобное вещам и исследования его методами, аналогичными методам естественных наук, изучающих телесность, физическую реальность. «Не допустить натурализации сознания» - это как раз и означает понимание его природы как активной, смыслопорождающей, конституирующей реальность.

Особая природа сознания требует особого метода его исследования. Одним из таких методов и стал предложенный Э. Гуссерлем феноменологический метод. В соответствии с изложенным, дальнейшая экспликация феноменологического метода Э. Гуссерля будет сопровождаться и развертыванием представлений Э. Гуссерля о природе человеческого сознания.

Иными словами, радикализация требований строгой научности ведет к вопросу об исходных понятиях конкретной науки как условиях эффективности проведения в сфере этой науки собственно эмпирических исследований. Но исходные понятия, положенные в основание эмпирической психологии, не могут быть раскрыты этой психологией потому, что исходные понятия о психическом, как раз и делают эмпирическую психологию возможной. Для субъекта научного психологического исследования эти исходные понятия потому и являются исходными, что они очевидны, являются априорными истинами. Вместе с тем, именно строгая научность не хочет допустить возведения сложного здания конкретной науки на столь несовершенном фундаменте. Феноменологический метод в психологии - способ прояснения априорных оснований научного психологического познания, тех неоспоримых истин о психическом, на которых и строится его дальнейшее исследование.

«К вещам самим» - этот принцип объясняет, почему в феноменологическом методе важнейшую роль играет созерцание, усмотрение. В созерцании мы стремимся увидеть предмет сам по себе, а не тот, каким он оказался в результате обобщений, объяснений, доказательств, предположений, выводов.

Вместе с тем, поскольку речь идет о выявлении «подлинных сущностных истин» (выражение Э. Гуссерля), ясно, что не любое созерцание обеспечивает их постижение. Важнейший момент эффективного созерцания состоит в необходимости методического (обоснованного и продуманного) всестороннего и полного развертывания смысловых горизонтов, контекстов, в которых осуществляется созерцание познаваемого объекта. Только в этом случае можно рассчитывать на успех. (К смысловым горизонтам созерцания нам еще предстоит вернуться в дальнейшем).

Созерцание, в процессе которого мы как бы сталкиваемся, встречаемся с познаваемым объектом и между нами не оказывается никаких посредников, теорий, обобщений, схем, такое созерцание Э. Гуссерль обозначает как опытное созерцание. При этом Э. Гуссерль подчеркивает, что «для действительного обоснования ведущей нас идеи - идеи априорной и чистой психологии, требуется возврат-к-опытному созерцанию - созерцанию методически и всесторонне раскрытому, в котором психическое дается нам в изначальной конкретности и где оно, как мы говорим, показывает себя в своей собственной сущности...» [3, с. 65].

Ясно, что если речь идет об опытном созерцании, в котором исследователь как бы ставит перед собой и рассматривает то или иное психическое явление, то имеется в виду психическое единичное, т.е. именно то конкретное психическое, которое рассматривается исследователем. Итак, в опытном созерцании мы имеем дело с единичным экземпляром, взятым в его изначальной конкретности. Можно добавить - в изначальной конкретности, а не в тех абстракциях, которые были осуществлены в предшествующих теоретических построениях. Например, нужно сосредоточиться не на том, что другие исследователи уже написали о восприятии, а на том, что происходит в совершенно конкретном случае восприятия конкретного предмета.

Особенно важно, что условием эффективности созерцания является его переход от

одних экземпляров к другим. Этот переход обеспечивает различные изменения созерцаемого явления, но при этом важно направить внимание не на то, что случайно изменяется, а на то, «что в общем и целом сохраняется в свободной смене экземпляров» [3, с. 65]. Таким образом, переход от созерцания одного экземпляра к созерцанию других обеспечивает выявление чего-то постоянного, инвариантного, чего-то присущего именно данному конкретному случаю.

Существенно, что экземплярный опыт включает в себя и действительный, и возможный опыт. Следовательно, опытному созерцанию подвергаются и реальные экземпляры и те, что имеют лишь статус возможных. Тем самым достигается полнота созерцаемого опыта или, лучше, опыта созерцания изучаемого психического явления. Экземплярный действительный и возможный опыт Э. Гуссерль называет первоосновой для феноменологической психологии, но при этом подчеркивает, что чисто психический опыт все еще нуждается в дальнейшем прояснении, т.е. в правильном методическом подходе. По этому поводу Э. Гуссерль говорит, что всякая опытная или иная направленность на психическое осуществляется рефлексивным способом. Это значит, что без рефлексивного психического опыта не возможен. Все дело в том, что психическая жизнь продолжается непрерывно, но, тем не менее, она, эта психическая жизнь, остается скрытой от проживающего ее субъекта. Она есть, но мы не обращаем на нее внимания. В нашей жизни мы непрерывно чем-то заняты - воспринимаемыми предметами, воспринимаемыми мыслями и т.п. Но та психическая жизнь, благодаря которой все это и является возможным, остается в тени, вне внимания субъекта. Она не дана ему сама по себе и не может образовать его психический опыт, стать этим опытом. «Получается так, что мы как бы ничего не знаем о нашей собственной психической жизни, о ее свойствах и поэтому наши мысли, наши ценности, цели не становятся темами наших занятий. Только рефлексия, поворот взгляда от непосредственно тематического вводит как тему в поле зрения саму психическую жизнь» [3, с. 65]. С помощью рефлексии сама психическая жизнь тематизируется и становится темой различных занятий, например, рефлексивного восприятия или опытного постижения вообще. Рефлексия

позволяет выяснить, что психическую жизнь можно по-разному тематизировать, ей можно по-разному «заниматься». Она может быть по-разному осознана, у нее могут быть обнаружены «различные задние планы».

Таким образом, наряду с созерцанием, важнейшим, обязательным компонентом феноменологического метода является рефлексия потому, что опыт нашей собственной психической жизни, психический опыт сам по себе, опыт как таковой доступен нам, существует для нас лишь благодаря рефлексии.

Вместе с тем, рефлексия убеждает нас в том, что все доступное нам благодаря рефлексии обладает одним общим замечательным свойством - быть сознанием, осознанием чего-либо.

Речь идет об интенциональности, которую Э. Гуссерль называет важнейшей характеристикой психического. Психическое явление - это всегда и явление чего-то, восприятие чего-либо, страх чего-то... Поэтому, если мы говорим о психическом явлении, то обязательно подразумеваем и субъектов, которым нечто является, равно как и то, что именно им является, рассматриваем явление как явление чего-то.

Интересно, что присущая психическим явлениям интенциональность позволяет с полным правом говорить и о феноменальности как общем обязательном свойстве психического. Ведь феноменальность это свойство явления и являющегося как таковых, а в каждом психическом переживании субъекту всегда что-то является.

Интенциональность и, соответственно, феноменальность психических явлений - действительно важнейший момент для понимания идеи феноменологической психологии Э. Гуссерля. Физическое как таковое интенциональностью не обладает. Интенциональность присуща только психическим явлениям, только психическому.

Следует отметить, что если вся психика характеризуется феноменальностью, представляет собой феномены сознания, то чисто психологический опыт - это одновременно и феноменологический опыт, который, как только что было показано, является ни чем иным, как рефлексией, делающей нашу психику доступной нам. Такая рефлексия проводится в определенной последовательности и таким образом, чтобы раскрылась не только поверхность жизни сознания, но чтобы эксплицировались и ее собственные существенные части во всей полноте (всесторонне, во всех горизонтах).

Поскольку психическое открывается исследователю в рефлексии, то рефлексивный опыт исследователя оказывается опытом самопостижения. Когда исследователь обращается к рефлексии, его сознание оказывается обращенным к самому себе. При этом исследователь задает вопросы, адресованные феноменологическому опыту, т.е. вопросы о психическом, о сознании. Исследователя не интересует реальность тех событий, которые представлены в сознании, его интересует своя собственная психическая жизнь и при этом он придерживается только того, что обнаруживается лишь в качестве действительно очевидной самоданности (я воспринимаю, я воображаю, я вспоминаю ...).

Психический опыт - это не только опыт непосредственного самопостижения. На опыте непосредственного самопостижения основан, как утверждает Э. Гуссерль, чистый опыт «Другого», так же как и опыт сообщества. Однако опыт самопостижения является первичным, поэтому, прежде всего, должен быть разработан «метод чистого опытного самопостижения» как способ последовательно продуманного феноменологического самораскрытия исследователем самого себя как субъекта познания, содержащего в себе некоторые предпосылки познания в виде исходных понятий и т.п.

Поскольку Э. Гуссерль так четко акцентирует роль непосредственного внутреннего психического опыта, для него также важно развести внутренний и внешний опыт. При этом внешний опыт оказывается тождественен опыту физическому. Поэтому слово «внешний» Э. Гуссерль берет в кавычки, ведь «внешний опыт» сам есть некоторое психическое переживание, однако интенционально отнесенное к физическому. Иными словами, буду ли я думать о реально существующей лошади или о реально не существующем кентавре, структура моих переживаний будет одинаковой. Ее и можно сделать предметом анализа и описания.

Наряду с созерцательностью и рефлексивностью феноменологического метода Э. Гуссерля важны и обязательно должны быть рассмотрены, по крайней мере, два его принципиальных момента: феноменологическая редукция и эйдетическая редукция.

Обратимся к феноменологической редукции. Естественно, что для исследователя реальный мир обладает постоянной бытийной значимостью. Но если исследователь желает погрузиться

в сферу чисто психологического опыта, если его интересует жизнь собственного сознания" в его собственной сущности, то этот исследователь должен во время данного феноменологического опыта как бы проигнорировать реальный мир, сбросить его со счетов, т.е. тематически исключить все внепсихическое. Но как возможно этого достигнуть?

Все психическое интенционально. То, что воспринято, является лишь интенциональным предметом соответствующего психического акта. Кроме того, как уже отмечалось, восприятие иллюзорного ландшафта, как и восприятие реального ландшафта, тождественны по своей структуре. На этом и основана идея феноменологической редукции. Осуществляя феноменологическую редукцию, исследователь отказывается от наивной бытийной установки, от своей веры в реальный мир. Все рассматривается как феномены сознания без выяснения его реального статуса, т.е. для исследователя остается лишь его сознание со всем тем, что в этом сознании представлено, Исследователь-феноменолог воздерживается от того, чтобы придавать чему-либо статус существующего реально, но это воздержание (эпохе) «ничего не меняет в том, что каждое сознание в себе и для себя имеет свою являющуюся и определенным образом осознанную предметность как таковую» [3, с. 70].

Отметим и то, что исследователя-феноменолога не интересует и реальная значимость того, что представлено в сознании. Исследователь становится независимым беспристрастным наблюдателем. Жизнь не проживается им, а созерцается. Ситуацию, возникающую при феноменологической редукции, иногда определяют как вынесение за скобки. Реальный мир значим для субъекта. Но в случае феноменологической редукции субъект из этого реального мира исключается, он выносится за скобки со своими реальными потребностями, целями, ценностями и т.п. Мир остается как бы сам по себе. Но в то же время мир, заключенный в скобки, — это мир сознания субъекта, который осуществляет феноменологическую редукцию. В этом «заключенном в скобки» мире все, что было в реальном мире, остается, но как осознанное, существующее в сознании, как тематизированное. Заключение в скобки означает не устранение субъекта из мира, а его тематизацию во всей полноте и вместе с тематизацией

всего мира. Ничего из реального мира не исчезает, но лишь меняет свой статус. Тематизируются и вера в реальность, и само сознание, и другие психические явления. И то, что дано исследователю во внешнем опыте как таковое, в случае феноменологической редукции перестает быть просто существующим или возможным и т.п. Оно оказывается положенным как (исследователь полагает, что...) существующее или положенным в качестве вероятного и т.п. Все осознаваемое, независимо от его реального статуса и значимости, принадлежит психическому составу сознания.

Таким образом, в результате феноменологической редукции оказывается безразличным, существует ли реально то, что присутствует в сознании и является ли оно чем-то значимым в реальной жизни, как и его принадлежность к психическому или физическому. В процессе феноменологической редукции все осмысливается как феномены сознания. Тем самым и создается поле чисто феноменологического опыта, сфера чисто психических явлений. Познаваемые объекты в результате феноменологической редукции обнаруживают свой интенциональный статус, поскольку они существуют лишь в качестве интенциональных объектов соответствующих психических актов.

Преобразуя все в феномены сознания, феноменологическая редукция и рефлексия обнажают основные структурные компоненты любого акта сознания. То, что в данном акте обнаруживает себя как интенциональный объект, Э. Гуссерль называет *ноэмой*, а то, что предстает как та или иная форма собственной активности сознания, определяется как *ноэзис*. Существенно, что в обыденной жизни, придавая тем или иным объектам статус реально существующего, сознание превращает их в нечто, чем оно само не является, и именно на это нечто, на объекты, не являющиеся сознанием, оно само и оказывается направленным в первую очередь.

Аналогично и в случае феноменологической редукции сознание в первую очередь оказывается направленным на ноэмы и лишь затем в поле сознания входят создающие их акты сознания.

Стало быть, как в обыденной жизни активность сознания оказывается анонимной, незамеченной, так и в феноменологической редукции относительно скрытой оказывается не

ноэма, а ноэзис, т.е. жизнь сознания, его активность, конституирующая предмет.

Вместе с тем, наряду с ноэмой и ноэзисом существует и так называемый «Я-центр» или «Я-полус», который сохраняет тождественность в своих различных актах и из которого все эти многообразно специфические акты исходят. Иными словами, всякое сознание одновременно является и сознанием своего «Я». Поэтому «Я-центр» - это тема, связанная со всеми прочими феноменологическими темами, что и определяет и ее значимость, и ее объемность. А это означает, что феноменологический анализ раньше или позже, но обязательно затрагивает так же и центральное «Я».

Дальнейшее прояснение феноменологического метода позволяет определить, понять еще целый ряд его существенных особенностей, обусловленных феноменологической редукцией.

Разрабатывая феноменологический метод, Э. Гуссерль подчеркивает, что особенности метода исследования определяются в значительной мере особенностями познаваемых явлений, т.е. их природой. Вот почему так важно для Э. Гуссерля возможно больше прояснить природу феноменов сознания.

Отметим, что, когда речь заходит о принципиальном отличии бытия сознания от бытия природы, Э. Гуссерль видит его прежде всего в интенциональности актов сознания. В отличие от бытия природы сознание существует лишь как сознание чего-то. При таком понимании сознания оно перестает быть некоей субстанцией, способной существовать самой по себе, которая, уже существуя, становится «сознанием о чем-то». Сознание исходно не может не быть сознанием о чем-то. Активность сознания всегда конституирует нечто и направлено на это нечто, которое им самим не является; оно как бы выходит за свои пределы, трансцендирует.

Но именно потому, что интенциональность сознания имеет столь большое значение, природа интенциональности должна быть прояснена максимально.

Один из самых принципиальных моментов, касающихся природы феноменов сознания, Э. Гуссерль формулирует следующим образом. «Основное различие вида бытия сознания, в его феноменологической чистоте, от вида бытия, данной в естественной установке природы, проявляется себя, прежде всего, в идеальности бытия ноэматических содержаний в соответствующем

сознании» [3, с. 71]. А идеальность бытия ноэматических содержаний сознания проявляет себя в своеобразии их синтеза. О чем, собственно, идет речь?

Возможны два основных варианта синтеза ноэматических содержаний. В одном случае синтез унифицирует каждое сознание в нем самом, т.е. создает единое целое того содержания, которое охватывается ноэмой, образует ее. В другом случае синтез унифицирует сознание разных ноэм в единое целое. А поскольку сознание интенционально и всегда является сознанием о чем-то, то любой вид, способ синтеза содержаний сознания - это синтез идентификации, проясняющий, что же синтезировалось в целом интенционального объекта, т.е. синтез ведет к идентификации целого. Словом, проблемы синтеза и идентификации неразрывны. Если сознание открывает себя как сознание о чем-то, то одновременно с ним раскрывается и бесконечное количество других действительных или возможных переживаний той же самой ноэмы. Например, в восприятии цвета раскрывается возможность другого цвета, в восприятии формы - другой формы. Это многообразие содержаний сознания намечается как то, что объединено или может быть объединено в качестве сознания об одном и том же. Один и тот же дом может быть воспринят в различных ракурсах или в различных модусах (как воспринимаемый или припоминаемый и т.п.). Это справедливо для сознания любой ноэматической предметности. Любое нечто (ноэма) осознается в многообразии некоторого содержания. Нечто, к которому отнесено соответствующее состояние сознания, есть ноэматический полюс как указание на бесконечное количество переживаний, для которых этот полюс является абсолютно тождественным. Все многообразные восприятия будут восприятиями одного и того же дома. Этот ноэматический полюс является идеально тождественным во всех соответствующих актах сознания (восприятие дома, припоминание того же самого дома и т.п.) и содержится в них не реально, а идеально. Положенная сознанием предметность (дом) неотделима от различных переживаний этого дома, но, тем не менее, не есть их реально общий момент, но лишь идеально общий. Это нечто, этот момент имманентен как смысл. Речь идет о смысле как чем-то идеальном, подразумеваемом в бесконечности

возможных и действительных переживаний и синтезирующем их в единое целое сознании о чем-то. Иными словами то общее, которое присутствует в бесконечном количестве актов сознания чего-то одного и того же, как это его «одно и то же», не является предметом, а только смыслом этого предмета и присутствует в этих актах идеально.

Теперь становится понятным, что любой феноменологический анализ работает на конкретном показательном примере (экземпляре), на отдельном переживании. Но этот феноменологический анализ, тем не менее, обязательно выводит исследователя от исходного переживания к синтетическому универсуму таких переживаний. Не понимая этой особенности феноменологического анализа, нельзя развернуть, выявить то, что заключено в сознании ноэматически, т.е. интенциональную предметность сознания или присущий ноэме смысл, синтезирующий универсум переживаний сознания, связанных с этой конкретной ноэмой. А это означает, что феноменологический анализ - это в решающей степени смысловой анализ. Он нацелен на экспликацию интенциональных предметностей сознания. Однако если сознание всегда интенционально и если обязательным моментом интенционального сознания является смысл, то сознание в целом можно рассматривать как некую смысловую сферу. А все, что связано с интенциональностью и смыслом принципиально отличает сознание от физического мира и предопределяет специфику феноменологического метода по сравнению с методами, используемыми в естественных науках. Таким образом, феноменологическая психология как чистая психология обретает свой особый предмет и свой особый метод исследования.

Описывая особенности интенционального анализа и противопоставляя его анализу реальных данностей, Э. Гуссерль подчеркивает, что феноменологический анализ основан на описании исследуемого объекта, а не на его объяснении. Соответственно, мы должны выбрать какой-либо конкретный экземпляр анализируемого объекта и затем осуществить описание этого объекта в различных дескриптивных измерениях, но таких, которые окажутся присущими любой ноэме.

Э. Гуссерль рекомендует обратить внимание, прежде всего, на онтический состав ноэмы. Дальнейший анализ выделяет те признаки,

которые действительно проявляют себя в данном конкретном восприятии. Есть один и тот же дом, а есть его различные конкретные восприятия. В каждом конкретном восприятии воспринимаемый дом представляется как тот же самый, но с разным составом действительно увиденных его определений. Следовательно, в каждом конкретном восприятии реально представлены, восприняты, созерцаемы не все признаки определения описываемого объекта. Но в то же время воспринимаемые моменты описываемого объекта указывают на бесконечный избыток определений, на неувиденное. Воспринятое указывает на невоспринимаемое, предвосхищает, анализирует его. Чтобы зафиксировать это обстоятельство, Э. Гуссерль обозначает его как горизонт сознания, который присущ каждому воспринятому явлению и выводит сознание за пределы созерцаемого в данном конкретном восприятии. Вскрыть и описать горизонты сознания конкретного воспринимаемого - важный момент интенционального анализа.

Существенно, что интенциональный анализ воспринятого идет от его созерцанием подтвержденных признаков (смыслов) и соответствующих горизонтов сознания к особым конструктам из сущностно взаимосвязанных многообразий возможных восприятий.

К созерцанию воспринятого добавляется некая интерпретация смысла воспринятых признаков, а эта интерпретация фиксирует в свою очередь некоторые совершенно несозерцаемые моменты воспринимаемого. Этот лишенный созерцательности смысловой момент в дальнейшем может получить свое созерцаемое подтверждение как в реально воспринятом, так и в только возможном.

Выявлением горизонтов сознания реально воспринятого и конструкций сущностно взаимосвязанных многообразий возможных восприятий интенциональный анализ, однако, не завершается. Еще одно направление - дескриптивные измерения - касается различных модусов анализируемого явления. Если до сих пор речь фактически шла лишь о модусе восприятия, то теперь можно расширить анализ и охватить такие модусы явления как его воспоминание или предвосхищение того же самого предмета. Исследователю станут доступны новые многообразия воспринятого предмета и он сможет создать новые конструкции выявленных

многообразий, которые выведут его за пределы реально воспринимаемого конкретного «нечто».

Очевидно, возможны и иные дескриптивные измерения, иные направления описаний подвергнутого интенциональному анализу предмета. Только совершив переход от конкретного воспринимаемого к выявленному универсуму всевозможных восприятий, осуществимо выявление того, на что направлено сознание как на интенциональную предметность. Полнота вскрытого многообразия позволит анализу выявить не только признаки, в настоящий момент в данном конкретном восприятии не представленные или вообще находящиеся вне опыта созерцания, но и признаки, *с необходимостью принадлежащие каждой позме*.

По мере развертывания интенционального анализа становится все более очевидным, что «относящиеся к феноменологической психологии и поистине неисчерпаемые задачи интенционального анализа, имеют абсолютно другой смысл, чем анализы в объективной, например, в природной сфере» [3, с. 71].

В случае интенционального анализа имеется в виду экспликация смысла, а интенциональная экспликация смысла - это не что иное, как «интерпретирующее ноэматически-ноэмическое истолкование». Такой анализ ни в коей мере не ограничивается простым-расчленением признаков конкретно созерцаемого. Обычно анализ понимается как расчленение на части. В потоке сознания также можно усмотреть разделение восприятия, сознания на некоторые конкретные переживания и связи. Но ни коим образом не следует рассматривать их в качестве отдельных частей целого. Дело в том, что каждая «часть», каждая фаза восприятия имеет свой самостоятельный смысл. Но отдельные смыслы не собираются в единое целое как его части. В каждом частичном восприятии, протекающем как фаза целостного восприятия, воспринимается предмет, единый смысл которого проходит через смыслы всех конкретных фаз восприятия. Восприятие всегда является восприятием целого. Синтез сознания не есть сборка его отдельных частей. Э. Гуссерль подчеркивает, что и на основе гештальта чувственно воспринимаемых данных задача целостности сознания также не решается. Все дело в том, что в сознании как сфере смыслов нет никаких других способов связи кроме связей синтеза, связей в сознании. Смысл синтезируется

лишь со смыслом и поэтому смысловое поле, сфера смысла^характеризуются чистотой. Нечто может войти в эту сферу лишь осмысленным и переработанным в соответствующую смысловую структуру. Смысловая структура некоторого мыслимого предмета принципиально отличается от его структуры как реально-го предмета.

Сознание как единое смысловое целое синтезируется по своим законам. Соответственно, смысловая целостность - это целостность особа рода. То, что синтез смыслов есть нечто особое даже по сравнению с организменной целостностью, помогает понять феноменологический анализ времени. Объективное время - это форма протяжения, охватывающая весь реальный мир, единая форма сосуществования и последовательности всего реально существующего. Реально существующие предметы и явления всегда существуют раньше других, одновременно с ними или позже их. В то же время смыслы, обнаруживаемые в последовательно возникающих фазах сознания никоим образом не образуют смысловой последовательности. Смысловая структура не последовательна, а, скорее, одновременна, симультанна. Форма последовательности конкретных фаз сознания не есть аналог смысловой структуры этого сознания. Соответственно ошибочен и образ потока сознания, как бы параллельного объективному времени как единой форме протяженности реального мира. Ошибочна и построенная на этой параллельности аналогия между видами бытия сознания и бытия природы. Именно феноменологический анализ времени позволил Э. Гуссерлю показать, что истоки «натурализации» психического связаны с игнорированием принципиальных различий между интенциональной временностью как некоей смысловой структурой и структурой объективного времени.

Понятно, что своеобразие смысловых структур сознания как предмета исследования определяет и своеобразие метода их исследования, т.е. метода феноменологического анализа по сравнению с методами естественных наук. В частности, при исследовании психического теряется смысл применение таких естественно-логических понятий, как вещь и свойство, целое и часть, связь и отдельная вещь, причина и действие и т.п.

Таким образом, благодаря феноменологической редукции, феноменологический анализ

сводит все к феноменам сознания и создает единое поле чистого психологического опыта. В связи с этим, поскольку все психическое интенционально, анализ интенциональной предметности как ее интерпретирующее ноэматическое-ноэмическое истолкование оказывается первоочередной задачей. В итоге интенциональный анализ позволяет в полной мере выявить синтезирующую активность сознания, создающую смысловую целостность. Изложенное выше, дает основания, на наш взгляд, выделить интенциональный анализ в достаточно самостоятельный компонент феноменологического анализа, наряду с созерцанием, рефлексией, феноменологической редукцией и редукцией эйдетической.

Описанную выше феноменологию Э. Гуссерль называет эгологической. При этом он имеет в виду, что в начале анализу подвергалось некое «Я» и его чисто психический первичный опыт. Вместе с тем, Э. Гуссерль полагает, что на основе дальнейших эгологическо-феноменологических исследований появится возможность расширить феноменологический метод «и сделать доступным этому методу такой опыт, темами которого являются Другой и общество» [3, с. 75]. Подобное расширение феноменологического метода открывает, по мнению Э. Гуссерля, путь к универсальной жизни сознания, которая выходит за пределы отдельного «Я», и соединяет в действительной или возможной коммуникации любое «Я» с другим «Я».

Расширенный таким образом феноменологический анализ позволит воспроизвести и сохранить чистоту феноменологического опыта «Я» и другого субъекта. Такая феноменология intersубъективности оказывается обязательным условием возможности интенциональной психологии. Иными словами, с помощью процедур феноменологического анализа можно сделать доступными для исследования феномены сознания. Но что бы приблизиться к подлинной науке, нужно сделать шаг от эгологической феноменологии к феноменологии intersубъективности. В этом случае мы сможем достичь не только согласованности внутреннего опыта субъекта, но и согласованности опыта, принадлежащего разным субъектам, и тем самым приблизиться к форме универсальной согласованности.

Вместе с тем, сколь бы полным и даже универсальным ни казался опыт, с позиции строгой научности этого мало. Ведь до сих пор речь

шла фактически только об опытных данных и их эмпирической всеобщности. Конечно, наука предполагает обобщение и даже всеобщность. Если не выходить за пределы опытных данных, то эти опытные данные определяют свою эмпирическую всеобщность. Но что сделало возможными эти эмпирические данные? На каких основаниях и как субъект определяет, что отнести к опытным данным? Иными словами, речь надо вести о каких-то априорных основаниях познавательного процесса и о том, как достичь феноменологического априори на основе анализа опытных данных. Достижению этих целей должна помочь эйдетическая редукция как компонент феноменологического анализа сознания.

Исходный момент эйдетической редукции - выбор конкретного экземпляра изучаемого предмета из доступного фактического опыта. Следующий шаг - осуществление в фантазии свободных вариаций выбранного экземпляра. Свобода, неограниченность вариаций - важнейшее условие эффективности эйдетической редукции, так как произвольность варьирования создает неограниченный горизонт создаваемых таким образом вариантов. Процедура свободного неограниченного варьирования приводит к постоянному самосовпадению вариантов, что позволяет обнаружить общую всем вариантам сущностную форму как инвариант необходимо сохраняющийся во всех вариантах. Важно недопускать, чтобы в процессе варьирования конкретная фактичность вещи (предмета) ограничивала осуществляемые вариации. Становясь темой подобных созерцательно выполняемых вариаций, каждая вещь обнаруживает «проявляющийся, необходимый, абсолютно неустранимый формальный стиль - стиль региона «вещь вообще» [3, с. 76]. Указание на регион говорит об определенной ограниченности свободных вариаций региональной всеобщностью.

Таким образом, предполагаемое эйдетической редукцией свободное варьирование позволяет раскрыть инвариантный стиль феноменологической субъективности, достичь всеобщности («Я» вообще, сознание вообще, ноэма и ноэзис вообще и т.д.). Следование схематическому описанию эйдетической редукции (выбор экземпляров, вариаций, выявление инвариантов — переход ко всеобщему) не гарантирует, однако, успешности применения этой процедуры. Как отмечает Э. Гуссерль, к успеху не может

привести смутное мышление по поводу пустых или формальных словесных представлений. Необходима действительная интуиция, проявляющаяся в образовании действительно экземплярных созерцаний. Важно, что эти экземпляры должны раскрываться соответственно той роли, которую они играют в жизненном обобщении. И это, опять же, возможно лишь с помощью действительной интуиции.

Учитывая изложенное, можно согласиться с тем, что результаты феноменологического анализа значимы для субъекта этого анализа. Но остается неясным вопрос об intersubъективной природе и значимости этого априори, добытого в эгологически-феноменологическом исследовании для другого субъекта. Обозначенные затруднения преодолимы, если привлекается опытное постижение другого индивида, которое обнаруживает (или подтверждает) то, что он сущностно аналогичен мне и другим, и мы необходимо имеем один и тот же сущностный стиль. Именно поэтому эгологическая феноменология значима для любого эго.

Процедура эйдетической редукции фактически завершает феноменологический анализ, результатами которого оказываются проясненные априорные понятия как выражения сущностно необходимой стилевой формы. Анализируя эти априорные понятия, Э. Гуссерль обращает внимание на их региональную ограниченность, т.е. на то, что эти понятия являются всеобщими, но лишь для определенного региона, определенной области знаний, соответствующих, например, сфере интересов конкретной науки. Это означает, что у психологии есть своя область знаний и, соответственно, есть или могут быть вскрыты, прояснены ее априорные понятия.

Таким образом, для Э. Гуссерля [4] основная цель феноменологического метода - разработка подлинно научных оснований конкретной науки, в частности, психологии. Э. Гуссерль стремится создать метод для построения пространства чисто психологического опыта. Феноменологический метод необходим ему, чтобы избежать ложного теоретизирования, которое слишком далеко отходит от того, что дано человеку в непосредственном созерцании. Феноменологический метод - это способ избавиться от различных стереотипов и предрассудков, которые как бы привносятся в сферу психологического опыта извне, в виде каких-либо

заимствований из чужого опыта. Разработка оснований строго научной психологии в этом смысле ведет к созданию новой науки - феноменологической психологии, которая бы этими проблемами занималась, и результаты которой могли бы далее использоваться уже в любой другой конкретной психологии как эмпирической науке.

Что же касается предмета феноменологического метода Э. Гуссерля, то его можно определить как систему таких форм сознания, которые делают возможным научный опыт, и которые являются основанием для накопления и структурирования научного опыта. Речь идет об априорных формах и концептуальных схемах изучаемого предмета или предметного поля. Можно сказать, что феноменологический опыт в понимании Э. Гуссерля расширяет сферу полномочий науки за счет того, что в предметное поле научного рассмотрения втягивается процесс возникновения, и формирования этих первичных форм сознания, в которых затем воплощается научный опыт.

Такое понимание целей феноменологической психологии связано с новой концепцией сознания, принципиально недопускающей овеществления сознания, уподобления его вещи. Э. Гуссерль прекрасно понимает, что интенциональность сознания, ете-4-гаправленность на определенный предмет возможна лишь благодаря *собственной активности сознания, которая и делает возможным существование этого интенционального предмета*. Разделенность на субъект и объект не отменяет, а усиливает тот факт, что интенциональный предмет конституируется самим сознанием. Именно собственная конституирующая активность сознания способна создать то, чего нет в воспринимаемом или воспринятом. Это и побуждает Э. Гуссерля разработать свой метод анализа феноменов сознания.

Не повторяя того, что было написано по поводу процедур феноменологического анализа, подчеркнем лишь особое место, занимаемое интенциональным анализом. Если рефлексия создает условия для обнаружения психического как такового (поскольку в силу своей интенциональности психическое как бы растворяется в предмете), то интенциональный анализ и эйдетическая редукция позволяют выявить подлинный смысл познаваемого феномена.

Используя процедуры интенционального "анализа, Э. Гуссерль превращает или пытается превратить феноменологический анализ, основанный на созерцании в смысловой анализ, выявляющий смысловую структуру познаваемого предмета или даже целого региона, принадлежащего конкретной науке.

Суть дела в том, что только смысл способен интегрировать все воспринимаемые свойства, все вскрытые смысловые горизонты, все формы познаваемого предмета и т.п. Смысловое целое познаваемого предмета и есть важнейший итог феноменологического метода. Именно потому, что феноменологический анализ нацелен на выявление смыслового целого познаваемого предмета, такой анализ действительно отличен от анализа реального предмета, состоящего из определенных частей, зависящего от конкретных причин и т.п.

Выводы. Феноменологический анализ Э. Гуссерля имеет дело с опытными экземплярами, с созерцанием и переживанием отдельных качеств, с синтезом подобных переживаний, с константными, действительно необходимыми свойствами познаваемого предмета, с многообразием форм познаваемого предмета, обеспечиваемым обращением к различным опытным экземплярам и их варьированием, с новыми конструкциями сущностно-взаимосвязанных многообразий, с выявлением универсума возможных преобразований подобных предметов, т.е. со смысловой структурой познаваемого предмета.

Феноменологическая психология, как теперь стало совершенно очевидным, имеет свой особый предмет - феномены сознания, относящиеся к предметной области психологии вообще. Феноменологическая психология имеет и свой особый метод - феноменологический анализ, включающий такие наиболее существенные компоненты, как созерцание, рефлексия, феноменологическая редукция, интенциональный анализ и эйдетическая редукция. (Возможно, столь явное расчленение феноменологического анализа на достаточно оформленные автономные шаги является более соответствующим нашим желаниям, чем реальности).

У феноменологической психологии есть и определенные методологические принципы, основанные на представлениях о смысловой природе сознания, о принципиальных отличиях природы смысла и вещи и т.п. Очевидна

и значимость феноменологической психологии для эмпирической, и их несводимость друг к другу, что не мешает их возможным тесным взаимодействиям. Феноменологический метод — это и есть та сложная процедура, без которой нельзя преодолеть очевидность феноменов сознания и, соответственно, нельзя добиться прояснения их подлинного смысла, согласованности синтезированного внутреннего опыта и т.п.

Теперь есть все основания сделать вывод о том, что феноменологическая психология Э. Гуссерля может рассматриваться как относительно самостоятельная область психологических исследований, имеющая и свой предмет, и свой метод исследования.

Соглашаясь с мнением Выготского о существовании в психологии двух основных и при этом несовместимых тенденций, необходимо подчеркнуть, что в тенденции, которая ориентирована на методологию гуманитарных наук, центральное место занимает феноменологическая психология. Дело в том, что феноменологический метод является комплексом, синтезом различных исследовательских процедур (описание, понимание и т.п.), которые столь сложны, что могут рассматриваться и как относительно самостоятельные «психологии» (описательная психология, понимающая и др.).

Феноменологическая психология Э. Гуссерля возникла в борьбе за строгую научность психологии. Более высокие уровни научности предполагают применение к исследованию психических явлений феноменологического метода, который призван обеспечить более адекватное понимание основных, базовых понятий, на которых строится конкретно-психологическое исследование.

Если феноменологический метод может быть использован для прояснения оснований конкретных наук, то он может быть использован и для прояснения оснований познавательного процесса как такового. В этом случае феноменология оказывается первоосновой любого познавательного процесса. Она должна выходить за пределы задач феноменологической психологии и превращаться в особую «трансцендентальную феноменологию», которая в ряду философских дисциплин выполняет важнейшую функцию первой философии, функцию философской науки о первоначалах» [4, с. 62].

Открытые феноменологией возможности исследования сознания, его глубинных базовых структур, не остались незамеченными психологами. Они нашли свое развитие в различных психологических школах и направлениях, что способствовало дальнейшему углублению противостояния двух полюсов научной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский, Л.С. Собр.соч. в 6 т. Т.1. Вопросы теории и истории психологии / Л.С. Выготский. - М.,1982.- С. 488.
2. Кучинский, Г.М. Феноменологическая тенденция в психологии / Г.М. Кучинский //Психологический журнал.- 2005,- 1.- С. 4-12.
3. Гуссерль, Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология. Часть 1. Чисто феноменологическая психология / Э.Гуссерль //Логос.- 1992.- 3.-. С. 62-80.
4. Гуссерль, Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология. Часть 2. Феноменологическая психология и трансцендентальная проблема / Э. Гуссерль //Логос- 1994.- 5,- С. 7-120.